

ПРАГМАТИКА ЗАЧЁРКИВАНИЯ: НОРМЫ КОММУНИКАЦИИ И ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Пиперски А. Ч. (apiperski@gmail.com),
Сомин А. А. (somin@tut.by)

Российский государственный гуманитарный
университет / ШАГИ РАНХиГС, Москва, Россия

В статье предлагается анализ преднамеренного зачёркивания в письменной речи с точки зрения различных лингвистических теорий: теории имплицатуры Г. П. Грайса, теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, а также теории оптимальности. Доказывается, что зачёркивание позволяет пролить свет на более общие механизмы коммуникации, в том числе на процесс выбора одной точки зрения из нескольких возможных. Кроме того, анализируются графические и вербальные аналоги зачёркивания в блогах и художественной литературе.

Ключевые слова: зачёркивание, язык Интернета, постулаты Грайса, теория вежливости, теория оптимальности, прагматика

PRAGMATICS OF STRIKETHROUGH: NORMS OF COMMUNICATION AND OPTIMALITY THEORY

Piperski A. Ch. (apiperski@gmail.com),
Somin A. A. (somin@tut.by)

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The paper presents a description of intentional strikethrough on the Web using a combination of theories from pragmatics and phonology, namely the theory of implicature by Grice (1975), the politeness theory by Brown and Levinson (1978, 1987), and Optimality Theory. We argue that the study of this phenomenon can shed light on some more general aspects of communication theory, such as the mechanism of choosing one viewpoint among many options. We also describe graphical and verbal substitutes for strikethrough in blogs and literary works.

Key words: strikethrough, language on the Web, Gricean maxims, politeness theory, Optimality Theory, pragmatics

1. Введение: самоисправление и его типы

Самоисправление является чрезвычайно распространённым языковым приёмом. Можно выделить два параметра, характеризующих самоисправление:

- 1) способ самоисправления: непреднамеренное / преднамеренное;
- 2) тип коммуникации: устный / письменный

В последние десятилетия всё большее внимание лингвистов привлекает непреднамеренное самоисправление в устной коммуникации, поскольку оно позволяет пролить свет на процесс порождения речи (ср. [Кибрик, Подлеская 2009] для русского языка; там же содержится библиография для других языков). Непреднамеренное зачёркивание в письменной коммуникации (т.е. обычное зачёркивание с целью исправления ошибок) не входит в сферу интереса лингвистов; о графологических работах, посвящённых этому вопросу, нам неизвестно.

Преднамеренное самоисправление возникает не в процессе естественного порождения устной или письменной речи, а как специальный приём языковой игры, имитирующий самоисправление: говорящий / пишущий заранее продумывает, что он скажет / напишет и на что тут же исправится. В риторике этот приём известен под разными названиями: эпанортосис, коррекция, эксполиция и т.п. (см. [Durgieз 1991: 165]).

Преднамеренное устное самоисправление встречается не слишком часто, однако примеры этого явления всё же существуют. Так, широкую известность получила фраза телеведущего Владимира Познера, который в своей программе симитировал оговорку, якобы перепутав слова *дура* и *Дума*:

- (1) *Вот способ мышления, который продемонстрировала Государственная дума — ой, простите, оговорился — Государственная Дума, ну, поражает...* (В. Познер, программа «Познер», 23.12.2012)

Однако естественно изобразить оговорку типа (1) довольно сложно: для этого нужно определённое актёрское мастерство, и именно поэтому преднамеренное устное самоисправление не является частотным.

Намного более распространён такой приём, как преднамеренное письменное самоисправление:

- (2) *А еще сегодня под утро мне приснился наш паноптикум НИИ, в котором я якобы снова работаю* (из блога, 2009)

Обычно такие самоисправления имеют вид зачёркнутого текста, и поэтому далее мы будем называть этот приём просто словом «зачёркивание», по умолчанию подразумевая его преднамеренность.¹

¹ В работе [Гусейнов 2008] для обозначения этого явления вводится термин «литуратив», однако мы не используем его, поскольку не считаем, что применение латинского термина привнесит ясность в анализ.

2. Семантическая классификация зачёркиваний

Приём зачёркивания получил широкое распространение в русскоязычных блогах² в начале и середине 2000-х годов. Он не исчез и до сих пор, хотя и стал более редким, что связано с перемещением большей части публичной онлайн-коммуникации из блогосферы в социальные сети, которые технически не поддерживают зачёркивание (подробнее о техническом обеспечении приёма зачёркивания на разных платформах см. в [Пиперски, Сомин 2013: 615–617]).

Приём зачёркивания уже привлекал внимание исследователей. Зачёркиваниям в литературе были посвящены два семинара («Зачёркнутое слово в перспективе художественного высказывания» и «Зачёркивание как акт коммуникации»), прошедшие в 2012 и 2014 годах в Санкт-Петербурге в ИРЛИ РАН (Пушкинском доме): в большей части докладов рассматривались зачёркнутые фрагменты в черновиках художественных произведений, однако в некоторых докладах обсуждалось и зачёркивание как художественный приём (см. также раздел 8 настоящей статьи).

Зачёркиваниям в Интернете посвящены работы [Гусейнов 2008] и [Занегина 2009]: в них обсуждается классификация зачёркиваний с точки зрения семантики, т. е. какого рода высказывания зачёркиваются. В работе [Савицкая 2009] предпринимается попытка проанализировать зачёркивания с точки зрения прагматики, однако прагматическое описание этого явления оказывается чересчур общим, а анализ конкретных примеров — напротив, слишком частным и близким к семантическому.

Проблема семантического описания зачёркиваний заключается в том, что даже если считать, что описываются только наиболее частые типы, то при попытке расклассифицировать по семантическим основаниям большой корпус примеров всё равно всегда можно найти ряды схожих между собой высказываний, не входящих ни в один выделенный исследователем класс. С этой точки зрения нельзя не согласиться с заключением М. А. Кронгауза: «Лингвисты пытаются классифицировать типы зачёркивания, но это задача крайне неблагодарная, потому что зачеркнуть можно всё что угодно» [Кронгауз 2013: 208].

3. Зачёркивание: семантика или прагматика?

Правда, вывод М. А. Кронгауза может быть обобщён и шире: не только в случае зачёркивания, но и вообще в **любой ситуации** можно сделать всё что угодно. Но это не повод предаваться гносеологическому пессимизму и вовсе отказываться от описания человеческого поведения: хотя в любой ситуации можно сделать всё что угодно, существуют некоторые стандартные модели, определяющие поведение человека. Точно так же, как преподаватель во время лекции обычно не дарит студентам цветы, не исполняет матерные частушки

² Употребление зачёркивания в интернет-коммуникации на других языках требует дополнительного исследования.

и не красит лаком ногти, участник письменной коммуникации не зачёркивает что угодно и где угодно: он следует принятым нормам коммуникации и принимает решение о том, что зачеркнуть, исходя из своего представления о них.

Однако следует согласиться с М. А. Кронгаузом в том, что семантические классификации зачёркиваний — это списки интересных фактов, не ведущие к обобщению. Можно провести аналогию с геометрией: если заниматься изучением треугольников, можно перечислять их интересные свойства (теорема Пифагора, второй признак равенства треугольников, теорема Фалеса, формула Герона и т. п.), но с научной точки зрения важнее не перечни интересных свойств, а то, как эти свойства выводятся из ограниченного набора базовых аксиом³. Точно так же в нашей работе будут исследоваться не интересные, но частные значения зачёркивания, а то, как они выводятся из базовых норм коммуникации, касающихся не только зачёркивания, но и других аспектов речевой деятельности.

4. Нормы коммуникации

Мы выделяем два основных принципа, лежащих в основе человеческой коммуникации:

- 1) Принцип кооперации;
- 2) Принцип самоутверждения.

Принцип кооперации был сформулирован Г. П. Грайсом [Grice 1975, Грайс 1985]. Под этим термином понимается стремление коммуникантов способствовать успешному развитию диалога: «твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Grice 1975: 45, Грайс 1985: 222]. Принцип кооперации распадается на несколько более частных норм, или постулатов коммуникации: «Твоё высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется», «Твоё высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется», «Не говори того, что ты считаешь ложным» и т. д. [Grice 1975: 45–46, Грайс 1985: 222–223].

Суть Принципа самоутверждения заключается в том, что любой участник диалога стремится не только к успешному достижению совместных целей диалога, но и к формированию своего положительного образа в глазах собеседника. Ближе всего к формализации этого принципа в прагматике стоит теория вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown & Levinson 1978, Brown & Levinson 1987]. В этой теории выделяются два аспекта положительного образа⁴:

³ При этом аксиомы внешне выглядят гораздо менее увлекательно, чем выводимые из них теоремы: утверждение «Каковы бы ни были две точки A и B , существует прямая a , которой принадлежат эти точки» кажется намного более банальным, чем утверждение «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Но без первого не было бы второго.

⁴ Само понятие лица было введено ещё И. Гофманом [Goffman 1955], но именно П. Браун и С. Левинсон предложили разделять это понятие на две составные части.

- 1) «позитивное лицо» (*positive face*): положительный образ человека как добропорядочного члена общества;
- 2) «негативное лицо» (*negative face*): положительный образ человека как индивидуума, свободного от условностей.

В современной культуре (во всяком случае, российской и западной) значимы оба этих компонента образа⁵: для того, чтобы производить положительное впечатление, человек должен в определённых пропорциях сочетать в себе конформность (позитивное лицо) и независимость (негативное лицо): идеальный человек, обладающий максимально позитивным лицом и не обладающий негативным, встречается разве что в плохой литературе, но коммуницировать с ним едва ли было бы приятно.

Важным, если не важнейшим средством поддержания лица является язык. Однако взаимодействие языка с типами лица неоднозначно. Например, матерная брань может способствовать ухудшению позитивного лица, если подросток употребляет её на школьном уроке, а может, напротив, приводить к улучшению негативного лица, если дело происходит на школьном дворе в кругу сверстников.

Любое высказывание сложным образом соотносится с Принципом кооперации Грайса и с различными аспектами Принципа самоутверждения. Невозможно соблюсти все постулаты Грайса одновременно [Horn 2004: 8], а при этом ещё и улучшить и позитивное, и негативное лицо.

5. Теория оптимальности и нормы коммуникации

Ситуация, при которой имеется ряд взаимодействующих между собой запретов, некоторые из которых приходится нарушать, в лингвистике лучше всего описывается при помощи теории оптимальности [Prince & Smolensky 1993, Kager 1999]. Эта теория в первую очередь применяется к фонологии, а суть её сводится к тому, что для определения поверхностного представления той или иной фонологической единицы порождается некоторый набор кандидатов, который затем проверяется на соблюдение ранжированных ограничений: сперва выбывают все кандидаты, нарушившие самое важное ограничение, затем — все кандидаты, нарушившие второе по значимости ограничение, и так далее, пока не остаётся единственный кандидат, который и становится победителем (это может произойти ещё до того, как в дело вступили все ограничения).

Отметим два важнейших свойства теории оптимальности:

- 1) **победитель оптимален, но не идеален**: он может нарушать некоторые ограничения, которые, однако, оказываются малозначимыми, потому что до них не дошла очередь при проверке;
- 2) **ограничения могут ранжироваться по-разному** в разных грамматиках; при разном ранжировании будут побеждать разные кандидаты

⁵ К другим культурам противопоставление типов лица применимо хуже; ср. обзор в [Вахтин, Головкин 2004: 242–247].

(например, есть языки, в которых запрет на звонкий шумный согласный в конце слова ранжируется высоко, и в таких языках выигрывают кандидаты с глухим конечным согласным — иначе говоря, происходит оглушение конечных согласных; в других же языках это ограничение ранжируется низко, и победу одерживают кандидаты со звонким конечным согласным — иначе говоря, оглушения не происходит).

Аналогичным образом можно представить и процесс порождения высказывания с точки зрения прагматики: сперва генерируется набор высказываний, которые говорящий потенциально может произнести, а затем они проверяются на ненарушение норм коммуникации, образующих Принцип кооперации и Принцип самоутверждения («не говори неправду», «не говори слишком много», «не говори слишком мало», «не ухудшай своё позитивное лицо», «не ухудшай своё негативное лицо», «не ухудшай лицо собеседника» и т.д.). При этом ограничения могут ранжироваться по-разному у разных говорящих (например, у более многословных людей выше ранжируется запрет «не говори слишком мало», а у более лаконичных — запрет «не говори слишком много») и в разных коммуникативных ситуациях (например, в разговоре с начальником особенно важно не ухудшать своё позитивное лицо, а в разговоре с врачом — не говорить неправду о своём состоянии).

6. Порождение и интерпретация зачёркивания в теории оптимальности

Теория оптимальности применима и к ситуации с зачёркиванием. Однако в данном случае выбирается не один победитель, а два — «золотой» и «серебряный» медалист. «Золотой медалист» — это кандидат, который побеждает в соревновании по обычным правилам, однако после этого оценка кандидатов продолжается до тех пор, пока не выявляется кандидат, занявший второе место: именно он и отправляется под зачёркивание и ставится левее «золотого медалиста». В соревновании всегда участвует и нулевой кандидат (\emptyset = не говорить ничего); постулирование нуля позволяет описать зачёркивание без замены, например:

- (3) *Босняки — это типа мусульман? По виду не скажешь — обычные люди (без рогов и хвостов)* (из блога, 2006)

Зачёркивание без замены — это победа нуля над остальными кандидатами, один из которых занимает второе место и зачёркивается (подробнее о зачёркиваниях с заменой и без см. [Пиперски, Сомин 2013]).

Теперь рассмотрим пример (4):

- (4) *Как и любая порядочная ~~садистка~~ мать, я пользовалась каждым удобным случаем познакомить ребенка с разнообразием животного мира* (из блога, 2008)

Здесь в конкуренцию вступают по крайней мере три точки зрения: *садистка*, *мать* и \emptyset . Возможно, автор рассматривал и других кандидатов, но об их существовании мы не можем узнать при анализе. Кандидат *садистка* нарушает ограничение «не ухудшай позитивное лицо» (нехорошо называть садистом самого себя; кроме того, называть садистами тех, кто знакомит детей с разнообразием животного мира, противоречит принятым в обществе представлениям), кандидат \emptyset нарушает запрет «не нарушай грамматическую правильность предложения», а кандидат *мать* не нарушает ничего. Судя по получившемуся тексту, оценивание кандидатов происходило следующим образом:

		*НарушГраммПрав	*УхудшПозЛиц
☞	<i>мать</i>		
☞	<i>садистка</i>		*!
	\emptyset	*!	

(в этой таблице * означает нарушение ограничения, ! — принятие решения об отсеивании кандидата; ☞ обозначает «золотого медалиста», а ☞ — «серебряного», попадающего под зачёркивание; более важные запреты стоят левее, чем менее важные, поэтому таблицу следует просматривать по столбцам слева направо; серая заливка обозначает ячейки, которые просматривать не нужно, потому что соответствующий кандидат уже исключен).

Рассмотрим ещё один пример:

- (5) *После долгой борьбы между совестью и жадностью В результате научной дискуссии был решено вычеркнуть мыло «Хозяйственное» из исследования (из блога, 2008)*⁶

В этом примере проявляется взаимодействие ограничений «не говори неправду», «не ухудшай позитивное лицо» и «не говори слишком мало». Он анализируется так:

		*ГовориМало	*УхудшПозЛиц	*ГовориНеправду
☞	<i>долгая борьба</i>		*!	
☞	<i>научная дискуссия</i>			*
	\emptyset	*!		

При этом важно, что ограничения могли бы ранжироваться по-другому: если бы *УхудшПозЛиц и *ГовориНеправду шли в обратном порядке, зачёркнута была бы *научная дискуссия*, а не зачёркнута — *долгая борьба*. Таким образом, предлагаемая модель позволяет предсказать вариативность при зачёркивании там, где она есть, и не предсказывает её там, где она интуитивно

⁶ Речь идёт о сравнении разных сортов мыла по заказу производителя одного из них. Опыты показали, что простое хозяйственное мыло превосходит все остальные сорта, в том числе и продукцию компании, заказавшей исследование.

кажется невозможной (напр., в примере (4) кандидат *мать* побеждает остальных кандидатов при любом ранжировании ограничений).

Типичный случай отсутствия вариативности — зачёркивание устойчивых выражений и фразеологизмов. Они появляются в тексте для повышения позитивного лица говорящего — он как бы сообщает адресату: «Мы с тобой одной крови, потому что я использую знакомые тебе фразеологизмы». Но при проверке запретов описание реальной ситуации никогда не проигрывает устойчивым выражениям, а при проверке на нарушение постулата истинности всегда выигрывает у них:

- (6) *Вот сломанная детская игрушка, <...>, окаменевшие остатки пищи на столе, покрытым толстым-толстым слоем **шоколада**⁷ пыли...*
(из блога, 2005)

		*ГовориНеправду
☞	<i>шоколада</i>	*!
☞	<i>пыли</i>	

Разумеется, речь здесь не идёт об осознанном последовательном переборе кандидатов с оценкой их приемлемости — точно так же, как в фонологии говорящий не проводит осознанный оптималистский анализ при произнесении каждого слова. Напротив, примечательно, что механизмы зачёркивания реализуются неосознанно, хотя само зачёркивание и является намеренной языковой игрой.

Важно, что адресат может проанализировать зачёркивание не так, как его задумывал пишущий, поскольку он имеет дело со своего рода чёрным ящиком, из которого ему нужно вывести перечень наиболее значимых для говорящего запретов и их ранжирование. **Потенциальная множественность интерпретаций** — чрезвычайно характерное свойство зачёркивания как приёма языковой игры. Например, пример (2) ... *паноптикум НИИ* ... можно трактовать так:

а) кандидат *паноптикум* появляется для соблюдения постулата полноты (для того, чтобы не только дать официальное обозначение места работы автора, но и выразить его отношение к нему) и зачеркивается, поскольку автор высоко ранжирует запрет на порчу позитивного лица;

б) кандидат *паноптикум* появляется для улучшения негативного лица (автор показывает, что может «с высоты птичьего полёта» посмотреть на место своей работы) и зачеркивается, поскольку автор высоко ранжирует постулат истинности (на самом деле это не *паноптикум*, а нормальный *НИИ*).

Как хорошее стихотворение не имеет единственно правильного понимания, так и удачное зачёркивание может быть проинтерпретировано по-разному — и это не недостаток интерпретации, а сущность самого этого приёма языковой игры.

⁷ Фраза из рекламы шоколадных батончиков Mars.

7. Проблема генерации кандидатов

Один из самых проблематичных вопросов теории оптимальности касается механизма генерации кандидатов. В стандартной версии теории предполагается, что множество кандидатов бесконечно, но при этом имеются механизмы, которые позволяют отсеять лишние — примерно так же, как при решении математического уравнения с одним корнем мы можем выбрать единственное решение из всего множества действительных чисел [Kager 1999: 25–27]. Однако применимость такой модели к прагматике вызывает большие сомнения. Кажется более разумным предполагать, что для каждого высказывания мы генерируем конечный набор кандидатов разной степени удачности, а затем проверяем их на нарушение ограничений.

Возникает вопрос о том, каким же образом происходит генерация кандидатов. Можно предположить, что говорящий генерирует кандидатов, подсознательно перебирая нормы коммуникации и стремясь соблюсти их. Если кандидатов сгенерировано более одного, происходит их оценка по описанным в разделе 6 принципам. Другими словами, мы сперва генерируем кандидатов, соблюдающих те или иные нормы коммуникации (например, находим кандидата, который позволяет соблюсти постулат истинности, другого кандидата, который удовлетворяет постулату количества, третьего кандидата, улучшающего наше позитивное лицо и т. п.), а затем отбрасываем те из них, которые нарушают наиболее важные запреты. Такая модель позволяет разрешить проблему нарушения принципов коммуникации: нет нужды (да и невозможно) соблюсти все принципы, важно только не нарушить те, которые для данного говорящего в данной коммуникативной ситуации оказываются первостепенными.

Хотя эта модель применима к порождению высказываний вообще, описание зачёркивания с её помощью играет особую роль потому, что это единственный случай, когда мы можем наблюдать соревнование кандидатов на практике: в обычной речевой ситуации оно практически ненаблюдаемо и может постулироваться только на основании интроспекции. Непреднамеренные речевые сбои с самоисправлением могли бы служить хорошим материалом для аналогичного исследования (тем более, что зачёркивание в интернет-коммуникации, по сути, является игровым изображением непреднамеренных самоисправлений), но подобный анализ малопродуктивен: чаще всего они не связаны с представлением нескольких точек зрения. Во-первых, в абсолютном большинстве самоисправлений в устной речи наблюдается семантический изоморфизм между забракованным фрагментом и его коррелятом-исправлением (в работе [Подлесская 2014], основанной на анализе корпуса из 40 устных рассказов, доля неизоморфных исправлений составляет 16,5%), тогда как в большинстве зачёркиваний общее между зачёркнутым и незачёркнутым фрагментами обычно не лежит на поверхности (пожалуй, максимальная близость — это использование литературного и жаргонного квазисинонимов или же гипероним и гипонима: *добропорядочные люди филологи*). Во-вторых, среди самоисправлений с изоморфизмом, по данным той же работы, почти половина всех коррекций является лексическими повторами, а среди коррекций-модификаций многие

являются исправлениями оговорок, фактологических ошибок, ошибок на лексическую сочетаемость и другими не связанными с семантикой и прагматикой исправлениями. Среди оставшихся коррекций можно найти семантико-прагматические самоисправления, для объяснения которых подходит предложенная в настоящей работе модель:

(7) ... эээ "" всякъ= || .. различные /-зме-ец,,⁸

(8) .. Назвали его И"= " || .. \/-Ва-аня...

Но, как нам кажется, непреднамеренность таких коррекций во многих случаях затрудняет объяснение выбора одного из двух кандидатов; кроме того, процент подобных самоисправлений по отношению к общему числу коррекций, как было показано выше, крайне мал. Из всего сказанного следует, что именно анализ преднамеренного письменного зачёркивания — этого, казалось бы, совсем частного и незначительного приёма языковой игры — позволяет пролить свет на общезначимые прагматические механизмы.

Однако возникает проблема: в каких случаях говорящий прибегает к выводу на поверхность двух кандидатов, а в каких ограничивается одним? Поскольку зачёркивание является приёмом языковой игры, ответ на этот вопрос лежит в плоскости более общего вопроса: зачем говорящий вообще использует любую языковую игру? Мы оставляем поиск ответа на этот глобальный вопрос исследователям общей теории юмора, но отметим, что при использовании приёма зачёркивания, как и в некоторых других видах языковой игры (в первую очередь, в каламбуре) одновременно высказывается несколько точек зрения на одну и ту же ситуацию, каждая из которых преследует какую-либо частную коммуникативную цель. Однако в случае каламбура говорящий ограничен выбором многозначных или омонимичных слов, а приём зачёркивания не накладывает на говорящего строгих формальных ограничений, тем самым, с одной стороны, позволяя пользоваться языковой игрой и людям, не столь мастерски владеющим словом, а с другой стороны — давая возможность применить языковую игру почти в любой ситуации. В свою очередь, применение языковой игры приводит к улучшению лица говорящего, поскольку подчеркивает его творческие способности. Эта возможность относительно просто улучшить лицо и привела к широкому распространению зачёркивания в блогосфере, предоставившей для этого необходимые технические средства.

8. Словесные варианты приёма зачёркивания

Не следует, тем не менее, относиться к зачёркиванию как к приёму, характерному исключительно для блогосферы. С блогами связан взрывной рост популярности зачёркивания, но семантический аналог зачёркивания

⁸ О правилах нотации см. в [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009].

использовался ещё в 90-х годах в Фидонете и IRC-сетях, поддерживающих только plain text. Написанная сразу за словом последовательность ^W обозначала, что предшествующее ей слово якобы не написано (соответственно, несколько ^W — при «зачёркивании» нескольких слов); аналогично использовалась последовательность ^H, обозначающая «зачёркивание» одного символа. Данный графический приём восходит к соответствующим командам («удалить слово», «удалить символ»), использовавшимся в текстовых терминалах.

В современной интернет-коммуникации ^W в описанной функции очень редко, но всё же встречается:

- (9) *Опоздала на самолет из-за аварии на ж/д, осталась в Англии навеки ^W до среды* (из блога, 2013)

Как указывалось в [Пиперски, Сомин 2013], «в последнее время литуративы (зачёркивания — А. П., А. С.) становятся менее употребительными из-за того, что основные средства сегодняшней Интернет-коммуникации — социальные сети — не поддерживают даже простейшего форматирования текста». Однако пользователи, перешедшие в социальные сети из блогов, испытывают потребность в использовании привычного им приёма. Альтернативой графическому зачёркиванию является использование тегов `<s>...</s>` или `<strike>...</strike>`, которые не заменяются на зачёркнутый текст, как это произошло бы в блоге, но остаются написанными, а также, существенно чаще, само слово «зачёркнуто», заключённое в скобки (прямые, угловые или квадратные) или звёздочки; иногда оно используется в виде открывающего и закрывающего тега:

- (10) *Ватикан не знает, как выкрутиться с гомосексуальными браками (зачёркнуто) с половыми извращениями* (комментарии на сайте, 2011)
- (11) *хм...оказывается я удачно не [зачёркнуто]лоханулся[/зачёркнуто] прошился на «сумбур» от китайцев... ☺* (твиттер, 2011)

Можно предположить, что этот приём продолжает распространяться уже и на тех пользователей, кто никогда не пользовался настоящим зачёркиванием.

Внекоторых случаях слово *зачёркнуто* может модифицироваться наречиями:

- (12) *Он утверждает, что его мои глаза очаровали. Наверняка обманывает, грудью *жирно зачёркнуто* сердцем чую :)* (из блога, 2013)
- (13) *Ножки (несильно зачеркнуто) барды хороши!)))* (из блога, 2012)
- (14) *Ты пишешь доносы *зачеркнуто* кляузы *яростно зачеркнуто* предупредительные записки администрации, если видишь «плохой» пост* (из блога, 2009)

Конечно, градации по силе зачёркивания плохо описываются теорией оптимальности, для которой победа одного кандидата над другим не имеет градаций,

однако в нашей модели теория оптимальности нужна лишь для предсказания, какой из фрагментов будет зачёркнут, а какой — нет, а уточнение способа зачёркивания, добавляющее в «одномерную» графическую игру новое измерение, по-видимому, не поддаётся формализации и обобщению. К тому же, например, в примере (14) не следует считать, что заняты три ступени пьедестала: незачёркнутое, зачёркнутое и яростно зачёркнутое. Кажется, что *доносы* и *кляузы* — в равной мере проигравшие кандидаты, а наречие *яростно* относится не к зачёркиванию конкретного слова, а ко всей ситуации, изображающей выбор подходящего слова и нарастающее раздражение пишущего при последовательных неудачах.

Встречаются и ситуации, где автор показывает своё намерение зачеркнуть, тем самым как бы осуществляя акт зачёркивания:

(15) *Сам поход в театр, с мужчиной, да на премьеру, да если еще и нарядиться подобающе, во всех своих бриллиантах и мехах (как тут зачеркивание делается? :))...* (из блога, 2014)

Наконец, появляется также специальный приём — отрицание зачёркивания, как в противовес предыдущему зачёркнутому тексту (16), так и отдельно (17–18):

(16) *Если вдруг решите, что ваша жизнь бессмысленна и беспощадна как то идиотична, посмотрите этот фильм, там по бессмысленности и беспощадности (не зачеркнуто), а так же идиотичности мышления и поступков герои переплюнули всех.* (из блога, 2011)

(17) *Они дождались, пока мне исполнится 46 лет, пока я стану многодетной матерью и перейду в разряд к тому же матерей «одиноких», а также превращусь в старую развалину* (не зачеркнуто из принципа) (из блога, 2012).

(18) *все, я обиделась. *не зачеркнуто** (из блога, 2010)

В англоязычных текстах последних лет фиксируется тенденция к использованию слова *slash* с семантикой зачёркивания, где зачёркнутой считается часть фразы до слова *slash* (границы зачёркивания читатель должен определить сам; подробнее см. [Curzan 2013]):

(19) *I need to go home and write my essay slash take a nap.*
‘Мне надо пойти домой и написать эссе слеш вздремнуть’

В русскоязычных текстах подобное употребление не зафиксировано.

Отметим, что приём зачёркивания также использовался и в литературе задолго до появления интернета и блогов [Суховой 2008, гл. 3]. Так, графические зачёркивания очень часты в поэзии Нины Искренко, дебютировавшей в печати в конце 80-х годов [Орлицкий 2014]. Зачёркнутые слова в её стихах не учитываются размером:

(20) *Король королю короля с королем и оравой не глядя сдавал и сдавая мочился постился не глядя*

В поэтических текстах встречаются и вербальные зачёркивания, ср. (21)–(23):

(21) *коснуться — «бюст» зачеркиваю — уст!* (И. Бродский, «Двадцать сонетов к Марии Стюарт»)

(22) *Я глуп (зачеркнуто)... Я так неловок (зачеркнуто)... Я оскудел умом.*
(Б. Ахмадулина. «Отрывок из маленькой поэмы о Пушкине»)

(23) *Весна! (Зачеркнуто) Прекрасный март... (Зачеркнуто) Голубоглазый март...* (Д. Самойлов. «Черновик»)

Впрочем, преднамеренным самоисправлением, похожим на интернет-зачёркивание, является только (21), а (22)–(23) скорее имитируют процесс порождения письменного текста.

9. Заключение

Таким образом, преднамеренное самоисправление в письменной речи — это весьма сложный приём и с точки зрения прагматики, и с точки зрения формальных средств выражения. Исследование этого приёма позволяет пролить свет как на общие прагматические механизмы коммуникации, так и на особенности письменной коммуникации в различных средах, в первую очередь в Интернете.

Литература

1. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. 2004. Социолингвистика и социология языка. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во ЕУ в СПб.
2. Грайс Г. П. 1985. Логика и речевое общение. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс. С. 217–237.
3. Гусейнов Г. Ч. 2008. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы. <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm> (проверено 15.02.2014)
4. Занегина Н. Н. 2009. Я этого не говорил: о литуративах, зачеркиваниях или мнимых текстах. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: Изд-во РГГУ. С. 112–115.
5. Кибрик А. А., Подлесская В. И. 2009. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур.
6. Кронгауз М. А. 2013. Самоучитель Олбанского. М.: Астрель, Corpus.
7. Орлицкий Ю. Б. 2014. Что, почему и зачем зачёркивала Нина Искренко? // Доклад на семинаре «Зачёркивание как акт коммуникации» (СПб., 5–6 февраля 2014).

8. Пиперски А. Ч., Сомин А. А. 2013. Литуративы в русском интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М.: Изд-во РГГУ. Т. 1. С. 605–618
9. Подлесская В. И. 2014. Структура самоисправлений говорящего по данным корпуса устных рассказов // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя. С. 96–104.
10. Савицкая Л. С. 2009. О приёме зачёркивания как средстве метакатегориальной организации модусной перспективы высказывания (на материале интернет-дневников). Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. №6 (2). С. 346–349.
11. Суховой Д. А. 2008. Графика современной русской поэзии: диссертация ... кандидата филологических наук. СПб.
12. Brown, Penelope & Stephen Levinson. 1978. Universals in language usage: Politeness phenomena. In Esther N. Goody, Questions and politeness. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 56–289.
13. Brown, Penelope & Stephen Levinson. 1987. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Curzan, Anne. 2013. Slash: Not just a punctuation mark anymore. <http://chronicle.com/blogs/linguafranca/2013/04/24/slash-not-just-a-punctuation-mark-anymore> (проверено 15.02.2014).
15. Dupriez, Bernard. 1991. A dictionary of literary devices: Gradus, A–Z. Transl. & adapt. by Albert W. Halsall. Toronto & Buffalo: University of Toronto Press.
16. Goffman, Erving. 1955. On face-work: An analysis of ritual elements of social interaction. *Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes* 18(3). 213–231.
17. Grice, H. P. 1975. Logic and conversation. In Peter Cole & Jerry L. Morgan (eds.), *Syntax and semantics*, vol. 3 New York. Pp. 41–58.
18. Horn, Laurence R. 2004. Implicature. In Laurence R. Horn & Gregory Ward (eds.), *The Handbook of Pragmatics*. Malden, MA & Oxford: Blackwell. Pp. 3–28.
19. Kager, René. 1999. *Optimality Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Prince, Alan & Paul Smolensky. 1993. *Optimality Theory: Constraint interaction in Generative Grammar*. Ms.

References

1. Brown P., Levinson S. (1978), *Universals in language usage: Politeness phenomena*, in *Questions and politeness*, ed. by E. Goody, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 56–289.
2. Brown P., Levinson S. (1987), *Politeness: Some universals in language usage*, CUP, Cambridge.
3. Curzan A. (2013), *Slash: Not just a punctuation mark anymore*, available at <http://chronicle.com/blogs/linguafranca/2013/04/24/slash-not-just-a-punctuation-mark-anymore>.

4. *Dupriez B.* (1991), A dictionary of literary devices: Gradus, A–Z, transl. & adapt. by Albert W. Halsall, University of Toronto Press, Toronto, Buffalo.
5. *Goffman E.* (1955), On face-work: An analysis of ritual elements of social interaction, in *Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes*, vol. 18(3), pp. 213–231.
6. *Grice H. P.* (1975), Logic and conversation, in *Syntax and semantics*, vol. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, New York, pp. 41–58.
7. *Grice H. P.* (1985), Logic and conversation [Logika i rechevoe obshchenie], in *New Trends in Foreign Linguistics. Vol. 16. Pragmatics in Linguistics [Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaja pragmatika]*, Progress, Moscow, pp. 217–237.
8. *Guseinov G. Ch.* (2008), Incomplete communication in the blogosphere: erratives and lituratives [Nepolnaja kommunikatsija v blogosfere: èrrativy i liturativy], available at <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm>
9. *Horn L. R.* (2004), Implicature, in *The Handbook of Pragmatics*, ed. by L. R. Horn and G. Ward, Blackwell, Malden, MA & Oxford, p. 4–28.
10. *Kager R.* (1999), *Optimality Theory*, Cambridge University Press, Cambridge.
11. *Kibrik A. A., Podlesskaja V. I.* (2009), Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse [Rasskazy o snovidenijah: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa], *Jazyki skavjanskih kul'tur*, Moscow.
12. *Krongauz M. A.* (2013), *Teach yourself Olbanian [Samouchitel' Olbanskogo]*, Astrel', Corpus, Moscow.
13. *Orlitskij Ju. B.* (2014), What and why did Nina Iskrenko cross out? [Chto, pochemu i zachem zachèrkivala Nina Iskrenko], paper presented at the “Crossing out as a communication act” seminar (Saint Petersburg, 05–06.02.2014)
14. *Piperski A. Ch., Somin A. A.* (2013), Strikethrough on the Russian web: semantics, syntax and technical issues [Liturativy v russkom internete: semantika, sintaksis i tehničeskie osobennosti bytovanija], in *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialog”* (Bekasovo, May, 29th — June, 2nd 2013) [Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferentsii “Dialog” (Bekasovo, 29 maja — 2 ijunja 2013)]. Vol. 12 (19), RGGU, Moscow, pp. 605–618.
15. *Podlesskaja V. I.* (2014), Structure of speaker's self-repairs based on a corpus of oral narratives [Struktura samoispravlenij govornjashchego po dannym korpusa ustnyh rasskazov], in *Jazyk. Konstanty. Peremennye. Pamjati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika [Language. Constants. Variables. In memoriam: Alexander Evgen'evich Kibrik]*, Aleteja, Saint-Petersburg.
16. *Prince A., Smolensky P.* (1993), *Optimality Theory: Constraint interaction in Generative Grammar*, ms.
17. *Savitskaja L. S.* (2009), Strikethrough as a means of metacategorical organization of the modus of an utterance in blogs [O prième zachèrkivanija kak sredstve metakategorial'noj organizatsii modusnoj perspektivy vyskazyvanija], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, vol. 6 (2), Nizhnij Novgorod, pp. 346–349.

18. *Suhovej D. A.* (2008) The graphics of modern Russian poetry [Grafika sovremennoj russkoj poëzii], PhD thesis, Saint Petersburg.
19. *Vakhtin N. B., Golovko E. V.* (2004), Sociolinguistics and the sociology of language [Sociolingvistika i sociologija jazyka]. IC “Gumanitarnaja Akademija”, izd-vo EU v SPb., Saint-Petersburg.
20. *Zanegina N. N.* (2009), I didn’t say that: on literatives, strikethrough, or spurious texts [Ja ètogo ne govoril: o literativah, zachèrkivanijah ili mnimyh tekstah], in Komp’juternaia lingvistika i intellektual’nye tehnologii: Po materialam mezh-dunarodnoj konferentsii “Dialog 2009” [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialog 2009”]. RGGU, Moscow, pp. 112–115.